Глава II

ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОЕ СЕЛО С ПОЛОВИНЫ XVI ДО ПОЛОВИНЫ XVIII вв.

Первые письменные известия. Первое известное указание письменного исторического памятника о селе Иванове относится к началу второй половины XVI в., когда феодальные княжества уже объединились под властью московского князя и образовалось Российское централизованное государство. В это время район от села Иванова и Шуи на восток был уже значительно заселён. Можно предполагать, что заселение этого района усилилось в связи с выселением сюда новгородцев в 80-х гг. XV в. после похода Ивана III на Новгород и в 70-х гг. XVI в. после разгрома Новгорода Иваном Грозным[1].

В 1561 г. село Иваново, считавшееся до этого в числе «чёрных», т. е. государственных сёл, было «пожаловано» царём Иваном IV Грозным в вотчинное владение выходцам из Кабарды – братьям второй жены царя – Марии Темрюковны, князьям Черкасским. Село Иваново стало центром феодальной вотчины, владельцы села принадлежали к крупной землевладельческой феодальной знати.

Некоторые отрывочные сведения о селе Иванове имеются в документах начала XVII в. в связи с крестьянской войной и польско-шведской интервенцией. В 1608 г. польские отряды, соединившиеся с Лжедмитрием II, стояли около Москвы в Тушине. Не будучи в силах взять Москву, тушинцы блокировали её и в то же время направляли свои отряды для грабежей к северу от Москвы. Польско-тушинские отряды захватили и разграбили ряд замосковных городов: Ростов, Суздаль, Владимир, Ярославль, Кострому и др., и район села Иванова. В 1609 г. была взята и разграблена Шуя. От этого времени имеется сообщение о селе Иванове. Сторонник второго самозванца – суздальский воевода Фёдор Плещеев 17 февраля 1609 г. писал Яну Сапеге, одному из главарей польских интервентов: «...послал я от себя... пана Мартына Собельского с казаками, да с ним же с Мартыном пошёл Лисовского полку пан Чижевский с казаками. И божьею милостию на Волге город Плёс взяли, пришли назад в Суздальский уезд, в старые таборы, в село Иваново–Кохму...»[2]

План села Иванова XVI в.

Как видно, Иваново составляло базу «панов» и казаков. Есть предположение, что название одной из улиц села «Панская» (в настоящее время ул. Станко) произошло оттого, что там некогда находилась стоянка польских панов, а название улицы «Курень», являющейся продолжением Панской улицы (ныне площадь Станко), произошло оттого, что там была казачья стоянка.

Польский шлем начала XVII в., найден в р. Уводи в 1940 г.

Утвердиться в селе Иванове панам не удалось. Сохранилось предание о том, что ивановцы при нападении поляков на село показали себя горячими патриотами, защищались мужественно, обведя село крепкими надолбами,* обитыми толстыми досками.[3]

Население Верхнего Поволжья ожесточённо боролось против польских захватчиков. Вокруг Кинешмы, Юрьевца, Решмы, Шуи и села Дунилова шли кровопролитные бои. В 1612 г. из Нижнего Новгорода вверх по Волге двинулось народное ополчение под руководством князя Д. М. Пожарского и Козьмы Минина. Ополченцы шли освобождать Москву от интервентов. По дороге к ним примыкали крестьяне и посадские люди поволжских городов. Можно предположить, что среди ополченцев были и крестьяне Ивановской вотчины.

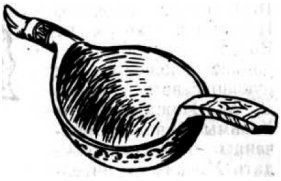
Иваново в то время административно было связано с селом Кохмой (которое называлось также «Рожественным»), оба села входили в Кохомскую волость. Волостью в XVII в. называлась «совокупность нескольких населённых пунктов, большей частью расположенных в одной меже, объединённых общей выборной организацией»...[4] С конца XVI в. это владение принадлежало княгине Скопиной-Шуйской.

Определённые исторические данные, характеризующие социально-экономическую жизнь села Иванова, имеются с 30-х гг. XVII в.

Природные и социально-экономические условия развития с. Иванова в XVII в. К 30 гг. XVII в. следы разорения страны после польско-шведской интервенции начинают постепенно стираться. Население, разбежавшееся от погромов интервентов, стало постепенно возвращаться на старые места. Заброшенные земли начинают снова распахивать. Отстраиваются вновь сёла и города. По-прежнему господствующим в экономике остаётся натуральное хозяйство, земледелие, соединённое с домашней крестьянской промышленностью. Но вместе с тем XVII в. имел и целый ряд новых явлений, свидетельствующих, по словам Ленина, о начале нового периода русской истории (примерно с XVII в.), обусловленного «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».[5]

Кроме городского ремесла развивалась сельская крестьянская промышленность и торговля – особенно в сёлах, расположенных у больших дорог

* Надолба – бревно или брус, надетые через продолбленные концы на обтёсанные столбы.



«Утица» – деревянный ковш.

и водных путей. Село Иваново в этом отношении находилось в благоприятных условиях. По реке Тезе, на которой расположена Шуя, с давних лет было развито судоходство до реки Клязьмы и дальше по Волге во все «понизовые» города, вплоть до Астрахани, а с Шуей Иваново имело в XVII в. очень тесные экономические связи. По реке Уводи водное сообщение происходило до линии села Лежнева.[6]

В характере ремесленного производства происходит значительное изменение, оно превращается в мелкое товарное производство, крестьяне-ремесленники начинают изготовлять изделия для продажи, для рынка.

Почвенные условия местности в свою очередь также толкали население Иванова на торговые и промысловые занятия. Суглинистая и песчаная почва не отличалась плодородием. Невыгодность выращивания зерновых культур в тогдашних технических условиях стала особенно сказываться в XVII в., когда хлеб начали поставлять южные и восточные области Русского государства. В сёлах, в частности в Иванове, появились дворы «непашенных» крестьян, т. е. крестьян, бросивших пашню ради ремесленных занятий и торговли.

Таким образом, естественно-географические условия центрального района, где расположено Иваново, содействовали широкому развитию крестьянских промыслов.

В связи с этими условиями находился важнейший экономический фактор, на который указывает К. Маркс: несовпадение периода производства и рабочего периода в сельском хозяйстве в центральном районе России, что вызывало развитие среди крестьян домашней, в частности, ткацкой промышленности. «Там (в России – *П. Э.*) в некоторых северных областях, – говорит К. Маркс, – полевые работы возможны только в течение 130–150 дней в году. Понятно, какой потерей было бы для России, если бы 50–65-миллионное население (Маркс писал в 60-х гг. XIX в. – *П.Э.*) её европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда должны прекращаться всякие полевые работы... Существуют деревни, где все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножевщиками и т. п.; в особенности это наблюдается в губерниях Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской... Расхождение периода производства и рабочего периода, причём последний образует только часть первого, является естественной основой для объединения земледелия с подсобными сельскими промыслами...»[7]

«Ярык» – чернильница XVII в.

Торгово-промысловым занятиям крестьян

благоприятствовала и социальная обстановка края. Среди феодалов центральных областей в это время устанавливался взгляд на невыгодность земледельческих занятий. «Барская пашня» в крае была незначительна. По мнению исследователя экономической истории Московского государства XVII в., «можно, кажется, признать, хотя и по намёкам, что малое количество барской запашки было всегда явлением, свойственным значительной части Замосковного края к северу и востоку от Москвы», т. е. и на территории современной Ивановской области. В Шуйском уезде, например, барская запашка не превышала 16½%. Эксплуатация крепостного населения происходила здесь не путём барщины, а оброка. «Почти все отдельные примеры, знакомящие с хозяйственными порядками... Владимирской, Костромской и отчасти Ярославской губерний в XVII столетии, ставят нас лицом к лицу с хозяйством оброчным».[8] Оброчная система не только стимулировала занятие крестьян торговлей и промыслами, но и ставила их под покровительство феодалов, заинтересованных в оброчных платежах. Такое покровительство могли оказывать крупные феодалы, например, в борьбе крестьян-торговцев с посадами, поэтому в крупных имениях, каковыми были владения князя Черкасского, которому принадлежало Иваново, имелись особенно благоприятные условия для развития крестьянской торговли и промыслов.

«Торгово-промышленный характер населения на территории нынешней Ивановской области был довольно определённо выражен ещё в первой половине XVII в., причём торговцами и промышленниками выступали здесь сельские тяглецы как дворцовых, так и всякого рода частновладельческих земель».[9]

Сельское хозяйство. Подробное описание села имеется в «писцовых книгах»* 1630-х гг. Село в описании[10] называется «Ивановское». Название села было одним из самых распространённых на Руси и происходило от простого русского имени «Иван».

Село Ивановское на реке «Увоти» в Опольском стане, Суздальского уезда, в писцовых книгах значится, как «вотчина», т. е. потомственное владение князя Ив. Ив. Шуйского.

В руках Шуйского село находилось с 1632 г. Это был последний представитель рода Шуйских – младший брат царя Василия Шуйского.

В центре села стояла деревянная Воздвиженская церковь (в настоящее время – место, занятое Домом Советов), причём от-

Крестовоздвиженская церковь.

* «Писцовые книги» – экономическое описание Московского государства в целях податного обложения.

мечено, что «церковное строение вотчинников» у церковного причта – пять «дворов», при церкви «пять келий стариц – кормятся христовым именем». Церковь и её служители – обычные участники эксплуатации феодально-крепостного села. Рядом с селом был другой эксплуататор – Покровский монастырь (в настоящее время на его месте выстроен драматический театр); около монастыря – монастырская слободка «Притыкино» (теперь Крутицкая ул.). Монастырь стоял на невысоком холме, круто спускавшемся с одной стороны к Уводи, с другой – к ручью Потоку; монастырь со всех сторон окружал лес. Лицо села определённо выявляется из таблицы 1, составленной по данным переписи 1630 г.; в переписи имеются сведения о количестве «дворов», т. е. хозяйств села, и «людей» в них.

Покровский собор.

Сельское хозяйство по указанным группам населения характеризуется следующими данными: у крестьян села, т. е. у наличных пашенных 11 дворов, «пашни паханые средние земли 28 чети, да перелогу и лесом поросло 20 четвертей, лугов по реке Увоти 2 дес., сена косят 20 копён». Имея в виду,

ТАБЛИЦА 1

Название	Село Иваново	Церковная земля	Монастырская слобода «Притыкино»	Итого
Пашенных дворов				
Наличных	11	–	5	16
Людей в них	12	–	6	18
Пустых	3	–	5	8
Бобыльских дворов				
Наличных	32	19	10	61
Людей в них	34	20	11	65
Пустых	18	8	–	26
«Л ю ц к и х» дворов Церковныхдворов				
Наличных	–	5	–	5
Людей в них	–	5	–	5
Всего				
Наличных дворов	43	24	22	89
Людей в них	46	25	17	88
Пустых дворов	21	8	5	34
Всего дворов	64	32	27	123

что четверть, или четь, равнялась полудесятине, количество пашни определяется в 14 десятин в трёх полях; на каждый двор приходилось приблизи-

тельно 1¼ десятины в трёх полях. Немного менее половины пашни запущено. Копён считалось в одной десятине десять, т. е. количество лугов тоже ничтожно.

Сравнительно с крестьянской запашкой значительно больше церковная – «церковные пашни 40 четв.» в трёх полях при пяти церковных дворах, т. е. по 8 четв. (4 дес.) на двор; «да церковного сена 20 копён», т. е. столько же, сколько у крестьянского населения. Запущенной пашни нет.

На монастырской земле при пяти наличных пашенных дворах «пашни паханые средние земли 12 четв.», т. е. по 2,4 чети (1,2 дес.) на двор, «перелогу и лесом поросло 10 четв.», т. е. запущено около половины, «пожен по реке Увоти десятина, сена косят 15 копён, лесу по острову 2 дес.», лес имеется только у монастыря.

Очень велики для начала XVII в. размеры села Иванова; на обычное село в то время приходилось в среднем 15 дворов. В селе записано, считая и монастырскую слободу, 123 двора, из которых в наличности указано 89 дворов; сельским хозяйством население занималось мало: наличных пашенных сельских дворов только 11, а с монастырской слободой – 16. Очень многочисленна, сравнительно с пашенным крестьянством, группа «бобылей»: всего бобыльских дворов – 85, из них наличных (неброшенных) – 61; крестьянских «бобыльских непашенных дворов» – 48, из них наличных – 32. За термином «бобыль», говорит исследователь «Замосковного края в XVII в.», «в эту эпоху оставалось, можно думать, двоякое значение – с одной стороны, так по-прежнему назывались ремесленники подгородных и подмонастырских слобод, иногда очень зажиточные, но не имевшие пашни...; с другой – слово «бобыль» сохранило свой первоначальный смысл и обнимало тех обедневших, часто одиноких лиц, которые стояли на низших ступенях общественной лестницы».[11] Можно предположить, что в Иванове был и тот и другой вид бобылей, и что, кроме ремесла, они занимались и торговлей. В качестве промысловых занятий жителей Иванова этого времени имеются определённые указания на мельничное дело: ивановские мельники в 1630-е гг. обслуживали прилегающий округ, в том числе Суздаль и Шую.

В селе находилась мельница: «да под селом же Ивановским мельница на р. Увоти, один берег вотчинников, а другой берег суздальцев детей боярских». Территория Иванова расположена только по правому берегу реки.

В 1630-е гг. село носит ещё признаки экономического разорения, как последствия польской интервенции начала XVII в., с одной стороны, и усиленной эксплуатации его владельцем, с другой. О разорении говорят и пашня, лесом поросшая, и значительное количество бобылей, и опустелые дворы (23 двора), население их разбежалось.

«Да пустых дворов, – записано в описи села, – двор пуст вдовы Прасковьицы; двор пуст вдовы Матрёнки; двор пуст Федотки Петрова; двор пуст вдовы Федосьицы, сбежали во 131 (1623) г.; двор пуст Сеньки Мокеева, сшол безвестно во 131 году; двор пуст Андрюшки Людина, сшол во 130 году; двор пуст Авдюшки Семёнова, сшол во 132 (1624) году».[12]

Иваново являлось центром феодально-крепостной вотчины, в которую входили, кроме села, также «62 деревни да деревня пуста да 3 починка да 23 пустоши», а в них записано «167 дворов крестьянских, а людей в них 172 человека, 70 дворов бобыльских, а людей в них 72 человека, 17 дворов крестьянских пустых». Общее количество земли всего хозяйства Ивановской вотчины, по подсчёту писца, составляло «1645 четв. в поле, а в двух по тому ж* , да церковные пашни 40 четв.», всего 1685 четвертей, т. е. 5055 четвертей в трёх полях, что составляло 2527,5 десятины, кроме того, «пожен 70 дес. с полудесятиною..., леса 48 дес.». Таким образом вся земля феодально-крепостной вотчины, возглавляющейся селом Ивановом, составляла 2646 десятин. При слабом развитии сельского хозяйства основное значение в экономической жизни села получили торговля и промыслы.

Торговля. В 1638 г. Ивановская вотчина перешла в руки крупнейшего феодала-крепостника, князя Якова Куденетовича Черкасского, потомка первого владельца села. Село Иваново было одной из 38 больших вотчин Черкасского, являвшегося не только феодалом, но и предпринимателем. Как крупный феодальный земледелец, он имел над крепостными государственную податную и судебно-полицейскую власть.

Ряд документов характеризует с. Иваново половины XVII в. как крупное торговое село. Выделившаяся в это время зажиточная верхушка села была связана с соседним шуйским рынком, и её борьба с шуйскими посадскими людьми за торговлю выражалась в открытых столкновениях с ними.

В 1645 г. шуйский земский староста Лука Власов «во всех шуян посадских людей место», т. е. от имени шуйских посадских жителей, подал жалобу «государю князю Якову Куденетовичу» на «приказного человека», т. е. приказчика или управляющего села Иванова «Бессчастного, Семёнова сына, Черкашенинова». В жалобе говорилось о нападениях ивановцев в 1644 г. на шуйских посадских людей во время ярмарки в вотчине Шартомского монастыря села Пупки, около Шуи, и в 1645 г. в самой Шуе во время Борисоглебской ярмарки. Во второй жалобе дано яркое описание нападения ивановцев: «... приехал он, Бессчастной, в Шую на торг, собрався с своими ж, государь, со многими крестьяны..., хотел нас, сирот государевых, перебить; и уведав, государь, мы..., что он хочет нас перебить, которые сидели в лавках, – а иные по домишкам своим, от него, Бессчастнова, иззаперлися... А он по торгу и по улицам ездил с саблею. А крестьяне, государь, твои за ним ходили с топорками и кистенями и с ослопы (с палками) и с кольи, ясаком (условным знаком) кликали, похвалялися на нас, сирот государевых, убийством. А было, государь, с приказным твоим человеком крестьян твоих в скопе человек ста два и больши».[13]

Владелец села, охраняя свои доходы, защищал интересы выраставшей из среды крепостных зажиточной верхушки. В 1666 г. он обратился с «челобитной» к царю о притеснениях ивановских крестьян шуйскими властями при взыскании с них таможенных пошлин, которые брались будто бы вдвое

* В трёх полях по 1645 четв.

и втрое против установленных. Царь приказал шуйскому воеводе расследовать жалобу князя Черкасского.

Спор ивановцев и шуян кончился мирно: очевидно, нашлись пути для примирения богачей села Иванова и Шуйского Посада. При расследовании дела ивановские крестьяне, «которые почасту в Шую с торженцом волочатца», – как говорит документ, – «старосты и целовальники и все крестьяне и которые с товаренком в Шую почасту таскаются, сказывали на сходе, что от шуян, посадских людей, им, крестьянам, обиды и налоги нет...» Мало того, ивановцы, будто бы, имеют в Шуе особенные преимущества «для ради твоего, государева, имени», т. е. ради могущественного владельца села князя Черкасского, как сообщил ему его «холоп Лучка Ялагин»[14]. В начале развития торговли в Иванове Шуя играла большую роль. Она имела выгодное географическое торговое положение, город стоял на судоходной реке Тезе, открывавшей через Клязьму путь в Оку и Волгу. В Шуе в начале XVII в. находился «двор гостин», в котором «торгуют приезжие с разных городов торговые люди», была лавка английской торговой компании от английской конторы, находившейся в Архангельске, было две ярмарки. О реке Тезе шуяне в 1688 г. говорили, что по ней «струговой ход... до реки Клязьмы исстари во все понизовные города до Астрахани, и на Макарьевскую ярмарку, и обратно со всякими товары и с рыбой, и солью, и хлебом»[15]; Шуя, как важный торговый пункт, привлекала внимание крупного феодала-предпринимателя: его «приказчик» руководил борьбой ивановцев за торговлю, отстаивая интересы своего господина.

Борьба посадов с феодалами – общее явление в жизни Российского государства XVII в. Феодалы стремились захватить торги и промыслы в посадах, а тяжесть податей оставить на посадской массе. Это вызывало острую борьбу посадов с феодалами, одним из проявлений которой были описанные столкновения. О внимании Черкасского к Шуе, как пункту извлечения выгод, говорит и то, что Черкасский в это время имел в Шуе «осадный двор», т. е. освобождённый от податей; в этом дворе были поселены некоторые из ивановцев.

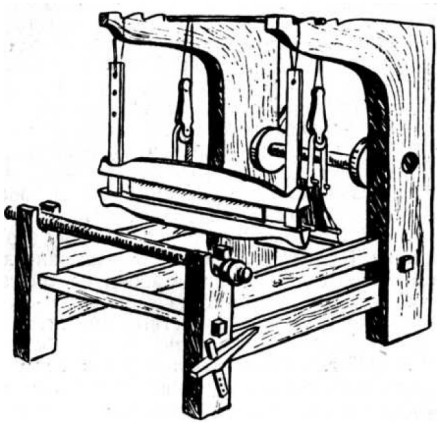
В переписи села Иванова 1667 г., произведённой при вводе во владение Михаила Яковлевича Черкасского, сына владельца села Иванова, видны итоги роста села за время после переписи 1620-х гг. В половине XVII в. постепенно ликвидировался экономический кризис Российского государства, начавшийся в конце XVI в. Князья Черкасские создали в Иванове прочную базу своей власти, в селе проживала княжеская администрация: «двор вотчинников, а в нём живёт приказчик», да «на площади изба схожая, а в ней сторож...» да двор «земского дьячка...». Село стало крупным торговым центром: в селе появились «изба таможенная, да на площади двадцать три лавки, да семь амбаров, да семнадцать шалашей, да тридцать шесть полков». Под селом – две мельницы. «Дворов», т. е. хозяйств, в селе непашенных и бобыльских 274, а «дворов» пашенных 38. Населения в Иванове 101 чело-

век пашенных и 717 человек непашенных, кроме церковников и администрации. Пустых дворов только два: один домохозяин отдан в военную службу, другой живёт на «осадном дворе» Черкасского в Шуе. Беглых из села нет совсем. Князь Черкасский крепко держит подвластных ему людей и находит в этом поддержку у самого царя. По «челобитью» Якова Черкасского в 1665 г. послана была царская грамота вологодскому архиепископу с предписанием разослать по подведомственным ему монастырям запрещение принимать в монахи «беглых людей» князя Черкасского и немедленно высылать их, в случае поимки, в Москву.[16]

Значительно выросла к 1660-м гг. и вся феодальная вотчина, в центре которой находилось село Иваново. Вместо 62 деревень, входивших в Ивановскую вотчину в 1630-х гг., с 237 дворами крестьянскими и бобыльскими, теперь в вотчине было 96 деревень с 673 дворами. Сильный феодал, очевидно, захватил владения слабых соседей.

Холщёвый промысел и набойное дело. К последним годам XVII в. относится документ, указывающий на наличие в селе Иванове ткацкого промысла, из которого выросла текстильная промышленность. В челобитной 1691 г. крестьянин села Иванова Трифон Григорьев жаловался, что его ограбили в селе Холуе* во время Тихвинской ярмарки, «сняли» с него 12 рублей**, вырученных им за «холщёвый промысел».[17]

Истоки текстильного производства относятся к временам глубокой древности. В период раннего феодализма текстильное ремесло (прядение и ткачество) было широко распространено среди населения. Ткач-ремесленник являлся обычно и ткачом-земледельцем. В районах современной Ивановской, Владимирской, Ярославской и Костромской областей при распространении здесь льна текстильное дело имело характер холщёвого производства. С развитием экономической жизни и ростом торговых связей в XVII в. холщёвое производство приобретает значение самостоятельного экономического фактора.



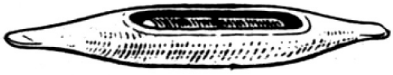
Ткацкий деревянный станок.

Иваново с его многочисленным непашенным населением было вовлечено в этот промысел. Здесь развивалось уже обособление ремесла от земледелия, – появилась третья форма «соединения ремесла с земледелием» из шести форм, которые указывает Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России». Эту форму Ленин характеризовал следующим образом: «Патриархаль-

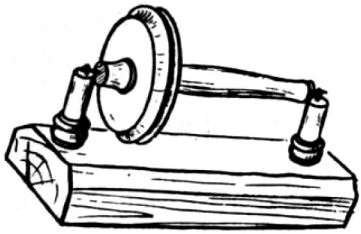
* Холуй – в настоящее время село Южского района, Ивановской области.

** Один рубль второй половины XVII в. = 17 рублям золотых.

ное земледелие соединяется с мелким производством промышленных продуктов на рынок, т. е. с товарным производством в промышленности».[18] С появлением ткацкого промысла связано и появление скупщика, что вместе с развитием торговли ускоряло расслоение ивановского крепостного населения. Как можно судить, в торговле большую роль играли местные ярмарки.

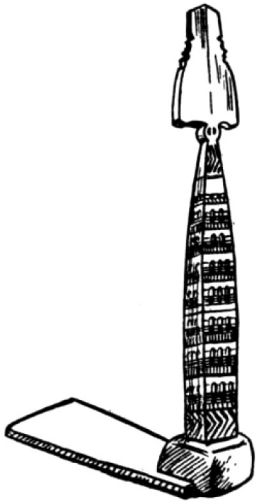


Ткацкий челнок.



Коклюшки для движения ремизки.

Технически ткацкий промысел был очень несложным. Орудием его был ручной ткацкий станок элементарного типа; самый процесс работы заключался в том, что ткачиха перебрасывала правой и левой рукой челнок через нити основы; могли работать и двое: одна ткачиха, сидя за станком, бросала челнок, а другая перебирала ремизы. Прядение льна производилось по деревням при помощи веретена и прялки.



Прялка.

Вслед за ткачеством появилась окраска и набивка холстов. Я. П. Гарелин в книге об Иваново-Вознесенске возникновение набойного промысла относит к началу XVIII в. «В начале XVIII в., – говорит он, – торговля (холстами) была уже настолько развита, что не довольствовались простым холстом, а красили его и набивали и этим уже раскрашенным и набитым холстом вели торговлю в отдалённых местностях тогдашней России».[19] В первой половине XVIII в. ивановцы имели торговые связи с Астраханью, старинным центром выработки бумажных тканей и их окраски; Астрахань являлась пунктом, через который совершался обмен с Востоком (Индия, Персия), – поэтому некоторое влияние на развитие набойного дела могло идти и оттуда. Но главным образом на развитие промыслов толкали местные условия. В Суздальском уезде, в котором находилось село Иваново, было развито малярное и иконописное дело; иконописцами славилась Борисоглебская слобода, как называлась ранее Шуя, с которой у ивановцев имелись тесные связи. Рядом с селом Ивановом, на левом берегу

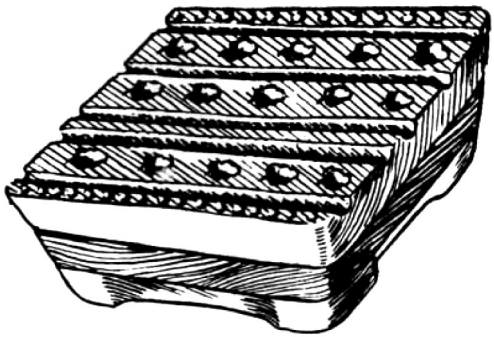
«Киянка» – набойный молоток.

реки Уводи, находилась деревня Иконниково, принадлежавшая до 1612 г. предку поэта А. С. Пушкина – М. И. Пушкину[20] (в настоящее время эта территория входит в состав города). Можно предполагать, что название этой деревни происходит от «иконников», населявших её и занимавшихся иконописным делом (в документах XVII в. иконописцы носят название «иконников»). О связях ивановцев с «иконниками» города Шуи говорят некоторые акты XVII в.[21]

Набойка на холсте.

Ивановцам достаточно знакомо было вырезывание узоров на дереве, употребляемых для украшения жилищ. Все эти обстоятельства, на основе общих экономических условий, при наличии ткацкого дела, вызывали среди предприимчивого ремесленного крестьянского населения села Иванова развитие красильного и набойного промыслов. Если красили готовую ткань, то получалась однотонная цветная материя – «крашенина» (алая, синяя, кубовая); при окраске ниток получались разноцветные основа и уток «пестрядь». Набойкой на ткань наносился узор. Орудием, которым отпечатывались на холсте рисунки, была доска с вырезанным на ней рисунком, носившая название «манеры». Печатание производилось на «верстаке», т. е. продолговатом столе. Манера обмакивалась в растёртую на круглом обрезе масляную краску и затем накладывалась на ткань. Старинная русская набойка являлась одним из редких образцов искусства, доступного широчайшим слоям населения; узоры крестьянской набойки иногда отличались богатой фантазией. Набойка шла не только на платье, из неё делались ццерковные обличения, занавеси и т. п.

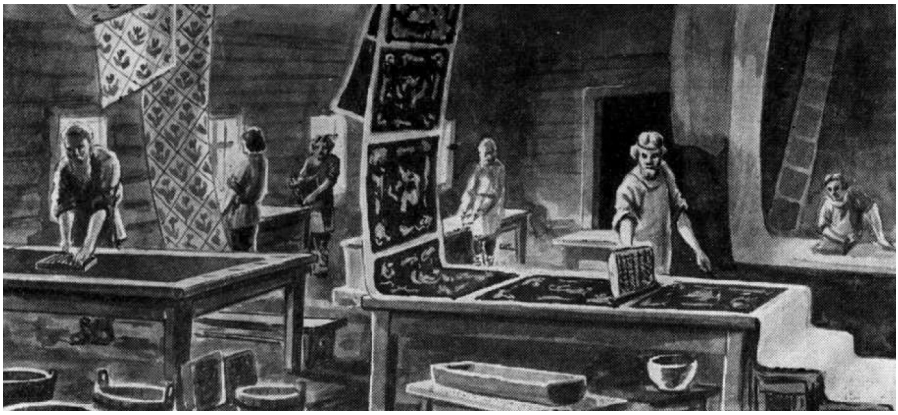
Торгово-промысловое значение села Иванова заметил Пётр I. В 1705 г. по его указу учреждена была в Иванове таможенная изба для сборов в казну на новозаведённых там торжках недельных «питейных, конских, рыбных и других пошлин». Для сбора пошлин из Шуи присылались выбранные обществом таможенные головы и «целовальники» (присяжные).[22] В 1707 г. в селе открылся кабак;[23] в первом году с него было получено сбо-



Манера для ручной набойки.

ра 176 рублей 7 алтын 2 деньги, а в следующем – 212 рублей 29 алтын 3 деньги* .

Торговые операции образовавшейся в селе зажиточной верхушки к половине XVIII в. стали очень внушительными. Кроме имевшихся связей с Астраханью, установились связи с Петербургом. Крепостной крестьянин Дмитрий Ямановский имел торговое дело в Петербурге; в 1737 г. он занял у петербургского купца Ильина денег 150 рублей, дал ему вексель, причём за него поручились двое Грачёвых.[24]



Набойная изба. С картины худ. А. М. Кузнецова.

Сам владелец с. Иванова князь А. М. Черкасский оказывался в ростовщической зависимости от богачей своего села: в 1736 г. ивановский крестьянин Иван Иванович Грачёв, в бытность в Москве, вместе с другим местным богачом ссудил помещику 200 рублей.[25]

Вместе с экономическим ростом села к XVIII в. расширилась и его территория. Село, находясь по правую сторону реки Уводи, раскинулось по обе стороны ручья Потока и урочища Кокуй, где образовалась новая улица Кокуй (в настоящее время ул. 10 Августа); далее за этой улицей на месте монастырской слободки выросла Троицкая слобода (теперь Негорелая ул.).

О внушительных размерах Иванова говорят сведения о пожарах, которые опустошали село. В 1723 г. «учинился пожар великий, от которого сгорело крестьянских двести дворов».[26]

Оппозиция правительству и церкви. Имеются некоторые данные, по которым отчасти можно судить о политическом лице села Иванова в XVII в. Как село ремесленное, оно должно было представлять хорошую почву для оппозиционных движений, которыми очень богат XVII в. И, действительно, одна из форм оппозиции правительству и церкви в XVII в. – раскол нашёл здесь себе место. «В раскольническом движении с 60 гг. (XVII в.) стало проявляться глубокое социальное недовольство угнетённых слоёв населения – крестьянства и посадских людей... В сознании угнетённого лица «старая

* Рубль начала XVIII в. = 10 рублям золотым; рубль = 200 деньгам; алтын = 6 деньгам.

вера», последователи которой подвергались «казнениям по градским законам», становилась идеологическим знаменем борьбы против всё нараставшего угнетения, против новых «кабал» и «мучительства».[27] Такой именно характер и носила раскольническая группа, возникшая в селе Иванове в 60-х гг. XVII в. Раскол прививался здесь в его крайнем течении с отрицанием не только «православной» церкви, но и царской власти. Об этом говорит относящийся к 1666–1667 гг. «Извет» (донос) старца Серапиона царю Алексею Михайловичу «на новых еретиков, на богомерзких пустынников и на лживых учителей». Характеризуя «учение» этих пустынников, Серапион говорит: «А от тех, государь, богомерзких пустынников и лживых учителей... и твоему царскому величеству хула идёт вечная от них, и много к их богомерзкому учению людей преклоняется...» Как доносил Серапион, приверженцами этого учения в Иванове были поселившиеся здесь «черница Екатеринка, да черница Феврошка, да черница Евпраксейка и иные многие с ними»; «ныне они живут в Суздальском уезде, в селе Иванове; поставили кельи у сродичев своих на огородах близ монастыря мужского Покрова пресвятые богородицы... А те черницы живут пустынным богомерзким житием, к церкви божией не ходят, а которые временем и приходят – на лже послушествуют...»[28]

Таков был своеобразный зародыш социального протеста в селе Иванове на заре его истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, Шуя, 1884, стр. 25.
2. И. И. Власов. Село Иваново до 1700 г. Иваново-Вознесенский губернский ежегодник на 1921 г., стр. 261.
3. В. Борисов. Описание города Шуи. М. 1851, стр. 146.
4. Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 95.
5. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.
6. А. Спицын. В глубине веков. «Наш край». Иваново-Вознесенск, 1926, стр. 36.
7. К. Маркс. Капитал, т. II, изд. 1935 г., стр. 164.
8. Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 343.
9. Там же, стр. 357.
10. ЦГАДА. Фонд министерства юстиции. Писцовые книги по Суздальскому уезду.
11. Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 58–59.
12. И. И. Власов. Село Иваново до 1700 г. Иваново-Вознесенский губернский ежегодник на 1921 г., стр. 263.
13. В. Борисов. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851, стр. 292–294.
14. И. И. Власов. Село Иваново до 1700 г. Иваново-Вознесенский губернский ежегодник за 1921 г., стр. 270.
15. В. Борисов. Описание города Шуи. М., 1851, стр. 68, 83.

16. И. И. Власов. Село Иваново до 1700 г. Иваново-Вознесенский губернский ежегодник на 1921 г., стр. 272–273.
17. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, 1884, стр. 134.
18. Ленин. Соч., т. 3, стр. 329.
19. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 137.
20. В. Борисов. Старинные акты. М., 1853, стр. 387.
21. Там же, стр. 120–125.
22. В. Борисов. Описание города Шуи. М., 1851, стр. 150.
23. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 135.
24. Там же, стр. 140.
25. А. Степанов. Крестьяне-фабриканты Грачёвы. Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея, т. I, 1928, стр. 214.
26. В. Борисов. Описание города Шуи, М., 1851, стр. 145.
27. История СССР. Т. I, М., 1956, стр. 347–348.
28. Летопись занятий археографической комиссии за 1911 г. Вып. 24. СПБ, 1912, стр. 78–81.